

355628

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ

*Спаси
деточка!*

Газетно - книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов 1943

**«НЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НА КОТОРОЕ
ФАШИСТЫ НЕ БЫЛИ БЫ СПОСОБНЫ,
НЕТ ТАКОГО КОЛИЧЕСТВА КРОВИ,
КОТОРОЕ ОНИ ПОБОЯЛИСЬ БЫ ПРО-
ЛИТЬ».**

М. Горький.

Сборник «Смерть детоубийцам» со-
держит материалы о чудовищных звер-
ствах немецко-фашистских извергов
над советскими детьми. Материалы
взяты из центральных газет, «Комму-
ниста» и из сборников «Смерть дето-
убийцам», изданных в 1942 г. Гос-
политиздатом и издательством Молодая
Гвардия.

СТРАШНЫЕ ДЕТСКИЕ МОГИЛЫ

У вас есть малолетние сыновья, дочери, младшие братья, сестренки? Представьте на минуту, что у него — вашего родного Вани, Миши, Гришутки, у вашей маленькой Алонушки, Наташи, Светланки — фашистско-немецкие ироды отрезают уши, руки, мучают, терзают, рвут на куски ребячье тело.

Вы вздрогнули. Да, это даже невыносимо представить. Но они это делают, подлые фашистские выродки, гитлеровские мерзавцы. Они это делают.

Товарищ, представь на секунду распластаный на земле трупик ребенка. В стеклянных глазах застыл ужас. А ведь у него были такие живые глазенки. Ему так хорошо было жить. Он был весел, как скворец. Прыгал и цел:

Мы веселые ребята,
Наше имя октябрюта...

И вот он лежит на земле, раскинув ручонки. Все тельце в крови...

355628

Изверги проклятые! Детоубийцы в мундирах. Мстить, мстить этим гитлеровским кровососам, зверям. Нет, их нельзя назвать даже зверьми. Зверь оглушит жертву ударом, убьет тяжелой лапой, перегрызет горло, но он не станет наслаждаться страданиями жертвы. Да ведь даже самому дикому зверю свойственны материнские, отцовские инстинкты. А эти?! Они истязают детей. В деревне Пролетарка Орловской области они схватили двухлетнюю девочку колхозницы Аганьковой, заморозили ее тельце и заминировали. В другой деревне они на глазах у матери стали избивать мальчика Сашу Сергуна. Били его прикладом по глазам. Мать телом своим прикрыла ребенка. Гитлеровцы оттолкнули ее.

— Саша! Сашенька! Сынок!—звала мать. А они посадили мальчика на штык. Маленький Саша Сергун! Он умер на штыке, обливаясь кровью. Да, они истязают детей. Они прошибают тонкие, еще не окрепшие головы грудных младенцев, вспарывают кинжалами животы пятилетних малышей, отрезают уши, носы детям, закапывают детей живыми в землю.

Это тяжело, жутко слушать, читать. Но об этом надо знать. Пусть каждый человек знает, кто такие гитлеровцы. Пусть каждый навеки запомнит их злодеяния. Пусть мстит!

В украинском местечке Марини немецкие фашисты совершили чудовищное злодеяние. Они собрали на дворе фабрики сто двадцать девять советских людей. Тут были и дети

пленников. На глазах у детей мерзавцы приготовились расстреливать из автоматов и пулеметов матерей.

— Ма-ама! Мамочка! — звали плача ребятки.

— Сынок мой! Доченька! Сыночек... — неслись душераздирающие вопли матерей.

Но ни те, ни другие еще не верили, что это все всерьез. Родителям казалось, что немцы хотят просто запугать, помучить их. Нет, нет, гитлеровцы сейчас уведут детей. Они должны, обязаны это сделать. Ведь есть же там, в Германии, у этих Карлов и Гансов свои сыновья и дочери?

— Уведите детей! Умоляю... уведите детей! — крикнул кто-то из толпы пленников.

Наглый смех был ответом. Немецкий офицер дал знак. Затрещали пулеметы. Раздались крики обезумевших от ужаса детей: на землю падали окровавленные люди. Но это не все. Этого было мало фашистским душегубам. Они убили матерей, отцов, а детей... бросили на трупы и закопали живыми. В городах Гадяч и Зеньково Полтавской области гитлеровцы поступили так же. Они подвергли пыткам, убили 280 мирных жителей, трупы их свалили в ямы, а потом на трупы бросили живых детей и зарыли их вместе с замученными матерями.

— Мама... мамонька... — кричали малыши. А потом и кричать перестали, только скребли ручонками землю, задавившую их.

Никогда не простит человечество, никогда

не простит наш народ Гитлеру эти страшные детские могилы. Немецкие фашисты заживо попребают невинных малышей. Это мы хорошо запомним. Мы запомним и многие другие факты кровавых гитлеровских злодейств.

Немецкие фашисты крадут у малолетних детей кровь и кожу. Знаете ли вы, что в одном из селений Лужского района Ленинградской области гитлеровцы четыре раза высасывали шприцем кровь у двухлетней девочки Нади Кузьминой и вырезали у нее десять кружочков кожи для заклейки ссадин немецким офицерам.

— Возьмите мою кровь, мою кожу,— в слезах умоляла мать девочки Ирина Ивановна Кузьмина.

— Нет,— ответили изверги, — нам нужна чистая детская кровь и мягкая детская кожа. Это хороший пластырь!

И они исполосовали ножом все тельце ребенка.

Немецкие фашисты топят малых детей.

Во многих селениях Подмосковья, освобожденных от германских захватчиков, найдены окоченевшие трупы малолетних ребят, брошенных варварами в колодцы и проруби. Вы помните, что сделали двуногие звери с госпитальным судном «Сибирь», которое везло по Финскому заливу эвакуированных детей, женщин и раненых красноармейцев. Гитлеровцы утопили в морской пучине сотни малышей. Было так. По Финскому заливу спокойно шло наше госпитальное судно «Сибирь». Час

завтрака. Дети собрались в столовой теплохода. И вдруг немецкие бомбардировщики стали кружиться, как коршуны, над теплоходом. Они прекрасно видели, что это — санитарное судно. Они видели это, двуногие звери! И все-таки сбросили бомбы. Много бомб. Заплакали испуганно маленькие дети, выбежали в страхе на палубу женщины, прижимая к сердцу грудных ребятшек. На теплоходе вспыхнул большой пожар. Бомбы разрушили рулевую и штурманскую рубку. Убит был наповал рулевой матрос. А капитана сбросило с мостика.

— Тушить огонь! — вскричали матросы. Команда бросилась тушить пламя. Но... все противопожарные средства были разрушены немецкими бомбами. Матросы стали черпать воду ведрами. Куда там! Огонь уже охватил половину корабля. Падали горящие балки, погребая людей. Неслись крики женщин, плач детей, стоны раненых.

— Спасать людей!

Матросы и санитары самоотверженно бросились прямо в огонь, выносили на корму детей и раненых.

— Шлюпки!

Но шлюпок осталось мало, они были разбиты бомбами. Что делать? Гибнут люди... Горят маленькие ребята... Что делать? Матросы стали бросать в воду бревна, чтобы люди могли ухватиться за них, пока не подоспеет помощь. В отчаянии металась матери по горящему теплоходу. Бросались вместе с детьми

в воду, цепляясь за доски. Матросы обожженными руками сколачивали плоты и спустили их на воду.

— Для детей!

— Мы спасем, спасем ребят, — радостно вскричали люди.

И вот слушайте, что произошло дальше. Даже писать об этом трудно. Немецкие хищники стали на бреющем полете расстреливать в упор шлюпки и плоты, на которых находились дети и раненые. А фашистские палачи поливали их пулеметным огнем. И малыши погибали в холодной пучине. Клокочет злоба в сердце, слезы подкатывают к горлу, когда вспоминаешь маленьких, беспомощных крошек, которых топили негодяи. Но плакать мы не будем. Мы будем мстить, мстить палачам за их кровавые преступления. Никогда еще мир не знал таких безумных, порочных, таких жестоких насильников и мучителей.

Немецкие фашисты сжигают младенцев. Швыряют в костры, в пылающие русские печи.

Город Петриков. Учительница Кустанович шла по улице со своим ребенком. Немцы затащили ее в какой-то дом и стали допрашивать. Учительница отвечала:

— Не знаю... Нет...

Да разве сказала бы она, если бы и знала! Разве предала бы свою родную землю?! И вот эти мучители, убийцы разожгли перед окнами дома огромный костер.

— Назовите комиссаров, которые скрываются в городе,—приказал фашист.

Учительница молчала. Офицер дал знак. Солдаты схватили ребенка и бросили в костер. Леденящий душу детский крик ворвался в комнату. Пламя охватило ребенка. Он горел, а фашистские мерзавцы насильовали его мать. Потом они убили учительницу. Человеческие выродки! Дрожишь от гнева, когда представляешь себе, как горит, корчась от боли и ужаса, ребенок, брошенный в пламя на глазах матери.

Многим нашим детям, особенно младшим, которые временно попали в лапы немецких фашистов, казалось:

— Ведь мы маленькие... Нам-то они, наверное, ничего не сделают. Ведь мы ребята!

Так казалось нашим мальчуганам и девочкам, потому что они привыкли с первых дней своей жизни на родной земле встречать любовь. Да, так казалось маленькой советской девочке в ситцевом сарафане, которая спокойно собирала в лесу землянику, радуясь солнышку и спелым ягодам. Об этой девочке рассказал партизан Виктор. Девочка собирала землянику. Она была счастлива: ее корзинка наполнилась до краев ягодами. Она напевала песенку. Вдруг из-за куста выскочил немецкий фашист и застрелил девочку. Подлец сел тут же недалеко от ее окровавленного тельца и стал жрать землянику, которую она собрала.

А вот что произошло в Феодосии. На одном из домов появилось объявление:

«Выставка детских игрушек.
Вход свободный».

Какие-то шептуны уже разнесли слух по городу: «Немцы добрые. Выставку для детей устроили. Идите, деточки, идите, игрушки очень красивые, вы таких никогда не видели».

Ребятишки пошли посмотреть на диковинные игрушки. Фашисты встретили их, сладко улыбаясь:

— Гутен морген! Идите, деточки, идите...

У малышей разбежались глаза. Тут были интересные лошадки, заводные автомобили, куклы. Дети робко дотронулись до игрушек, чтобы их получше рассмотреть. И закричали, забились... Лошадки, куклы и автомобильчики были заминированы. Наши ребята, наши советские малыши были разорваны в клочья. Кровь и мозг детей брызнули на стены. Все феодосийские жители узнали, какие «добрые» фашисты! Впрочем, эти злодеи скоро перестали прикидываться добряками. Они арестовали множество стариков, женщин, детей, посадили их в черные фургоны и привезли к противотанковому рву. И всех расстреляли. У одной женщины—Елизаветы Чкинадзе—был совсем крошечный ребенок, трехмесячный. Они и его расстреляли.

Всем ли известно о фашистской «перерегистрации» детей в Феодосии? Гитлеровцы объявили: дети обязаны явиться с матерями

в такой-то час на перерегистрацию. Матери привели детей. Записав фамилию и имя ребенка, преступники смазывали ему губы какой-то желтой жидкостью, и вскоре отравленный ребенок задыхался и умирал. Какие страшные детские смерти! Какие страшные детские могилы!..

Е. КОНОНЕНКО

НАСТЕНЬКА

Только в конце июня установились теплые дни, перестали дуть северные ветры, и люди, предпочитавшие несколько дней назад солнечные стороны улиц, стали переходить на теневые.

Детишек из очага впервые вывели на прогулку в одних платьицах. Бледные от зимнего сидения в бомбоубежище, они парами шли в сквер, размахивая прошлогодними первомайскими флажками, ведерками, куклами, радуясь теплу и замирающему визгу ласточек, так стремительно проносящихся над их головами.

В сквере был теплый песок. В сквере, на насыпях укрытий, цвели золотистые одуванчики. Дети устремились к цветам, лепеча что-то на своем детском языке, однако рвать цветы они не осмеливались.

День стоял тихий, безветренный, прозрачный.

Удар раздался внезапно. Воздух вздрогнул от неимоверного грохота, комья земли и столбы песка поднялись в небо. Мелькнули сорванные с голов детские шапочки. Через ограду на мостовую перелетела кукла. Послышались крики, детский плач и стоны.

— Обстрел! — крикнул своему приятелю проходивший мимо сквера веснушчатый сержант Пахомов и, перепрыгнув через ограду, бросился к детям.

Невдалеке разорвался еще один снаряд, за ним третий, четвертый; осколки с визгом неслись во все стороны, но это не остановило сержанта. Он хватал насмерть перепуганных детей и передавал их воспитательницам.

— Цепочкой, в укрытия! — командовал он.
— Только спокойно.

Растерявшиеся было воспитательницы подчинились его команде, и дети, передаваемые им с рук на руки, быстро исчезали в люках укрытий и щелей.

На песке осталось лежать несколько неподвижных детских тел. Над ними склонились подоспевшие дружинницы, но многим детям уже не нужна была их помощь.

Сержант поднял с земли маленькую рыженькую девочку. Лицо ее было бледно, полузакрытые веки чуть вздрагивали, а на белом в оранжевых цветочках платице выступили пятна крови.

Девочка не стонала, она безмолвно лежала на руках сержанта, свесив ручки.

Сержант взглянул на ее лицо и так це-

движно остался стоять на песчаной дорожке. Ему что-то кричали, звали его, но он ничего не слышал: ни крика, ни разрывов, ни свиста осколков.

Девочка открыла глаза, взглянула на сержанта и вдруг потянулась к нему. Губы ее разомкнулись, она хотела что-то сказать, но руки ее внезапно упали, а губы так и остались полураскрытыми. Рыженькая головка девочки неестественно запрокинулась назад, и сержант увидел в ее глазах отраженную далекую голубизну неба с перистыми облаками.

Через час сержант пришел к заведующей очагом и спросил имена погибших детей. Он аккуратно заносил имена в записную книжку. Он казался спокойным, только карандаш едва заметно дрожал в его руках.

Вечером сержант появился у себя на батарее. Усталый и осунувшийся, он сидел в землянке командира артиллерийского дивизиона и повторял:

— Я сам пойду в разведку, товарищ капитан. Вы меня не держите, очень прошу.

Капитан, наконец, согласился.

Как только наступила белесая ленинградская ночь, разведка тронулась в путь. Она ползла по тряскому болоту, в котором скрипели лягушки, огибала пригорки, переходила в брод ручьи и выбралась в расположение противника.

Сержант полз впереди группы. Иногда он останавливался, делал отметки на карте и от-

давал шопотом приказания. Когда он на минуту закрывал глаза, чтобы передохнуть от напряжения, перед ним возникали сквер, белые детские шапочки и рыженькая девочка в платьице с оранжевыми цветами.

— Разведка проведена отлично, товарищ Пахомов, — сказал командир вернувшемуся сержанту, и это было высшей похвалой, потому что такие слова, как «отлично» и «хорошо» редко срывались с его языка.

В четыре часа пятнадцать минут на рассвете двадцать шестого июня орудийный расчет сержанта Пахомова занял свои места. Сержант вынул из кармана записную книжку и раскрыл ее на той самой страничке, на которой столбиком были вписаны детские имена. Бойцы искоса поглядывали на своего командира, — таким они его никогда не видели, хотя вот уже год воевали плечом к плечу.

— Товарищи! — сказал Пахомов. — Вчера враг обстреливал Ленинград. Я сам видел, как рвались фугаски и шрапнели на улицах и в скверике, где играли ребятишки. Я сам все видел...

Голос Пахомова дрогнул. Он не мог говорить спокойно, и вдруг Пахомов крикнул так громко, точно ему хотелось, чтобы слова его слышали все, и друзья и враги:

— За Павлика Николаева — орудие... огонь!

Звякнул орудийный затвор, орудие вздрогнуло и в лицо пахнуло едким пороховым дымом.

— За Катю Синичкину — орудие... огонь!

Еще раз дернулось орудие, и раскат тяжелого выстрела разнесся далеко-далеко над росистой, предутренней землей.

Команда следовала одна за другой. Пахомов отдавал ее громко, но теперь уже спокойно, и после каждого выстрела делал пометку в записной книжке.

Это был ураганный огневой налет. Наблюдатель непрерывно сообщал на батарею:

— Бьет точно! Роцца ходуном ходит. Вижу, как летят к чертовой матери повозочные колеса! Поддайте еще!

И орудие поддавало. Четырнадцать имен, четырнадцать снарядов! В конце списка, пятнадцатым, стояло имя рыженькой девочки.

Пахомов подошел к орудию.

— Последний, пятнадцатый, я сам пошлю, — сказал он.

И на пятнадцатом выстреле он сам был за наводчика и замкового. Когда снаряд скользнул в ствол, Пахомов тихо скомандовал:

— За Настеньку Пахомову, трех лет отроду, орудие... огонь!

И дернул шнурок.

Раздался пятнадцатый выстрел.

М. ТЕВЕЛЕВ

„СЕДОЙ МАЛЬЧИК“

(Из рассказов о Севастополе)

День ослепительно яркий. Знойно и совершенно безветренно. В такие дни, до войны, можно было бы видеть десятки дрейфующих парусников, не достигших рейда.

Сейчас над застывшим морем солончаковые туманы. Если прищурить глаз и пристально всмотреться в горизонт, то из миража выплывут мохнатые верблюды, бредущие куда-то по выжженной солнцем водной пустыне. Если же и дальше не отрывать глаз от намеченной точки, то из солончаковой испарины моря выплывут неведомые дворцы, замки и еще что-то сказочное и неожиданное.

Для всего этого глаз надо держать прищуренным, а головой покачивать медленно-медленно, так, чтобы дворцы и верблюды вдруг не рассыпались.

Этим и занимался маленький мальчик с седой головой, сидя у берега уснувшего моря. Сюда его принесли на руках моряки. Расчистив место у берега, они бережно усадили его на высокие камни, чтобы так было «видней».

Мальчик любил море, но оно было недосыгаемо для него. Он не ходил. Его пятки были сожжены и обуглены, а ступни ног проколоты штыками. Это сделали немцы. Они поймали его в тот самый момент, когда он, перегруженный шкодовскими автоматами, штабными документами в красивых клеевчатых перепле-

тах, узорчатыми картами, испещренными цифрами и линиями направлений, возвращался домой из двенадцатой разведки за месяц.

Мальчик не был разведчиком. Он просто отвечал немцам взростой местью обиженного ребенка. Он до сих пор отчетливо помнит, как однажды неожиданно в комнату вошли вооруженные мужчины, говорившие на чужом языке, и посмели на его глазах раздеть его мать. Они сказали, что это называется — «обыск».

Мать раздевали медленно и осторожно. Какой-то худой человек с очень толстыми стеклами в очках, бережно принимая белье, чулки, платье и аккуратно развешивая их на стуле, внимательно рассматривал мать. Обнаженная она стояла у стены, закрыв руками лицо. Мальчика из комнаты не выпускали.

Затем двое с нашивками подошли к ней, усадили на колени, обняли ее и так снялись. Мать не сопротивлялась. Она знала этих военных людей. Они могли убить сына. Когда же, подставив ножку, ее опрокинули на кровать, она отняла от лица руки и, вцепившись зубами в чью-то ладонь, прогрызла ее до кости.

От стыда и несчастья мальчик бросился на солдат. Обер-лейтенант оттолкнул его и сказал: «Дурак! Ты тоже так появился!». Немцев было много. Когда они ушли, он покрыл ее одеялом, лицо матери было мокро. Она не рыдала. Это были мертвые слезы и мертвый пот.

Так мальчик начал седеть. При отходе из Николаева его забрали с собой моряки. Взамен матери они дали ему морскую форму и боевое оружие убитого товарища. Вместе с ними он проходил боями у Перекопа. Не расставаясь со взрослыми друзьями в тяжелые минуты танковых немецких атак, всю зиму и весну он пролежал в окопах, защищая незнакомый ему Севастополь. Дважды он был ранен, а сейчас получил длительный отпуск по «болезни ног».

Война старит детей. Как-то сразу повзрослевший, он научился хорошо лазить по-пластунски, метать гранаты, стрелять из трофейного оружия, подолгу не есть в разведке, а главное—исполнять на губной гармошке «Тирольский марш». Этим тирольским маршем он дурачил немецких простофилю, допрашивавших его о причине его появлений в районах передовых позиций.

Если поутру, после темной ночи, полной всяких тревожных шорохов, преодолев колючие проволочные заграждения, перелезая по деревьям через минные поля, миновав десятки смертельных ловушек, немцы все же его обнаруживали, он, нимало не смущаясь, весело представлялся: «Здрассте! Я сын кулака!».

На этот раз офицер не поверил. Мальчик пойман с поличным. Поэтому, отдавая приказания солдатам, унтер сказал: «Сделайте этому храброму русскому мальчику христианскую голгофу». Это не было шуткой. Мальчика распяли на кресте. Это могло и не быть,

если бы он сказал «правду». Мальчик молчал и не плакал.

Тогда под его ноги положили хворост и подожгли его. Мальчик молчал. Обжигая ноги, костер поджег крест. Перегорев в своем основании, крест с мальчиком рухнул наземь. Немцы были уверены, что «Севастопольский Иисус» умер.

Ночью моряки вышли на розыски. Приняв две атаки, на веревке они втянули в первый окоп дымящийся крест. Мальчик жил. Теперь он совсем поседел. К искалеченному разведчику приставили старика. Старик был черноморским матросом, который прослужил 60 лет во флоте. Во время новой осады Севастополя он явился в морскую пехоту и попросился «в дело». Старика взяли. Но «в дело» его не пускали, хотя он пользовался всеобщим уважением, как моряк, служивший еще «под началом» лейтенанта Шмидта, бунтовавший в Одессе на «Потемкине» и знавший давно забытые матросские песни. Когда по иочам дрожащим голосом разбитого годами баса старик начинал петь: «На дне Севастопольской бухты дредноут «Мария» лежит...», морская пехота замирала.

Видя, что в атаку «флотские» его не берут, старик начал клеить конверты. Искусно работая ножницами, он вырезал какие-то удивительно наивные и вместе с тем симпатичные орнаменты, из которых получались настолько старомодные конверты, что они невольно просились в древние почтовые кибитки, запря-

женные тройками с бубенцами. Кружевные конверты принесли старику ни с чем не сравнимую славу. Он стал признанным и самым любимым человеком бригады.

Ему-то и поручили вылечить мальчика. Как старый корабельный лекарь, не очень доверяя врачам, он считал, что главное в лечении мальчика—это «ржавчину из мяса гноем выгнать». Сегодня был первый день, когда выздоравливающего вынесли подышать свежим воздухом. Сейчас, оба седые, они сидят у моря. Вырезая из бумаги очередную заготовку для конвертов, старик добродушно спросил: «А как у тебя, юнга, с родителями будет? Не хорошо без родителей. Родителей надо иметь. Не порядок это». Безжалостно разрушив дворцы и замки, мальчик открыл прищуренный глаз и тихо сказал:

«Одна тетя, которую я не знаю, сказала мне, что она будет моей мамой».

«Правильно!—сказал старик. — Мать, хоть и приходящая, тебе обязательно нужна.

Ну, хватит, пойдем в блиндаж. А то совсем ранения перегреем. Эй, флотские! Поднесите героя!».

К мальчику подошли моряки. Бережно подняв с высоких камней, они унесли его в прибрежный блиндаж.

Море попрежнему спокойно. Солончаковые туманы растаяли вдали. Дворцы и верблюды ушли на дно глубокого Черного моря.

Борис ВОЙТЕХОВ

СЫН ПАРТИЗАНА

(Быль)

Облитая керосином изба пылала большим, дымным костром. Трещали балки, со звоном лопались стекла. Искры взлетали в небо, и сильный ветер разносил их по всему селу. Кое-где занялись соломенные крыши сараев, столбы черного дыма вздымались в разных концах деревни.

Вокруг горячей избы Ивана Малыгина стояли женщины. Сжатые тесным кольцом, вооруженных немецких солдат, они смотрели на пожар давно выплаканными, выцветшими от слез глазами. Пламя отражалось в их зрачках. Поднимая глаза друг на друга, они словно вглядывались в зеркало: та же бесконечная тоска, страдание, те же отблески горячей избы партизана Ивана Малыгина.

Немецкие солдаты, — те самые, что облили керосином и подожгли избу, — не давали женщинам ни приблизиться к пожарищу, ни отойти от него.

— Пусть все видят, как мы поступаем с партизанами, — сказал немецкий лейтенант, приказав согнать на пожар всю деревню. Он стоял сейчас впереди, молодой, краснощекий, уштаный, и насвистывал модный, мюнхенский марш. Он сделал несколько фотоснимков пожара и сейчас светлосиними, круглыми, как у фарфоровой куклы, глазами бесцеремонно и хищно рассматривал женщин. На фронт

он прибыл недавно. Поджог избы партизана Малыгина был его первым боевым подвигом. Старший брат Эрих, обер-лейтенант, присылал ему в Мюнхен, в офицерскую школу, снимки своих операций в России. У него была неплохая коллекция: двенадцать пожаров, пять виселиц, две порки. Теперь брат лежал в госпитале в Дрездене. Сегодняшние снимки удачно дополняют коллекцию любительских фотографий фамилии фон Рейхен.

Пожар разгорался. С треском упал карниз избы. Искры метнулись к людям, садясь на одежду, обжигая лица и руки. На земле безмолвно билась в тяжелом припадке не старая еще женщина. Длинные волосы ее распустились и мели дорожную пыль. Два солдата стояли рядом и не подпускали к ней никого. По приказу лейтенанта солдаты вытащили на улицу Елену Малыгину, оставив в горящей избе годовалую Полинку. «Подобного снимка у Эриха не было», — усмехнулся лейтенант, фотографируя обезумевшую мать на фоне горящей избы, где осталась ее девочка.

— Хальт! — резко крикнул часовой. Все повернули головы. Через деревенскую площадь бежал мальчик. Не обращая внимания на окрики часового, он протиснулся сквозь толпу, увидел лежащую на земле женщину и подбежал к самому пожарнику. Солдаты схватили его и подвели к лейтенанту.

Это был невысокий, белоголовый паренек лет двенадцати, в розовой рубашке, вылинявшей от дождей и выгоревшей на солнце.

— Кто ты такой?—спросил лейтенант. (Он немного говорил по-русски).

Мальчик посмотрел на него исподлобья, закусив губу.

— Полинка... Сестра, — прошептал он. — Полинка горит.

— Твой сестра? Швестер? Там,—внезапно оживившись, сказал лейтенант.—Ты брудер? Брат?

Еще несколько балок с шумом обрушилось на землю.

— Гут,—внезапно сказал немец, и странная улыбка показалась на его лице.—Гут! Хорошо! Я жалею маленькая девочка. Мальшик, ты будешь спасать дайне швестер. Иди!

Гриша Малыгин сначала не понял, что ему говорит лейтенант. Солдаты выпустили его. И тогда курносое веснушчатое лицо мальчика просветлело. Он рванулся вперед к горящей избе и исчез в дыму и пламени.

В толпе ахнули. Кто-то громко зарыдал. Анфиса Корнеева закрестилась быстрыми, торопливыми крестами, что-то беззвучно пришептывая. А Елена Малыгина все также металась по земле, не понимая уже ничего, что совершалось вокруг. Потом все замолкли. Даже лейтенант перестал насвистывать свои марши и, удивленно приподняв бровь, смотрел в ревущее пламя. Прошли минуты. Рухнула стропила горящей избы. Вдруг из огня выскочил мальчик. Одежда на нем горела. В руках он держал большой белый сверток.

— Мамка!—крикнул он. — Мамка! Наша Полинка...

Что-то изменилось в лице лейтенанта. Он приказал солдатам облить мальчика водой. Мокрого, полуживого от ожогов и волнения. Гришу подвели к лейтенанту. Тот с любопытством вглядывался в него.

— Ты есть молодец,—сказал лейтенант. — Ты есть совсем храбрый. Покажи!—приказал он.

И мальчик молча, доверчиво протянул ему сверток. Лейтенант развернул одеяло, и все увидели крошечную девочку, заливавшуюся надрывным плачем.

Мать, Елена Малыгина, внезапно приподнялась с земли, широко раскрытыми, безумными глазами посмотрела на свою дочь и бросилась к ней, вырываясь из рук солдат.

— Очень красивая девочка,—мечтательно сказал лейтенант.—Эйн хюбшес медхен.

Девочка вдруг перестала плакать.

— Теперь будем делать один фокус. — Лейтенант прищурил свои фарфоровые глаза. Он высоко поднял девочку, шагнул вперед к избе и швырнул ее прямо в огонь. Мать с криком рванулась за ним. Но он с силой ударил ее ногой и отшвырнул в сторону.

— Был девочка и нет девочка. Хороший мюнхенский фокус. Эрих будет очень смеяться. Эрих любит...

Что именно любит Эрих не удалось узнать никому. Лейтенант лежал на земле, уткнувшись головой в горящие головешки. В спине

у него торчал самодельный нож, вонзенный Гришей. Солдаты на мгновение растерялись. Потом открыли стрельбу. Но женщины стали непроходимой стеной между солдатами и мальчиком. Когда немцы пробили себе дорогу, Гриша, ныряя среди высокой колосющейся ржи, уже подбегал к опушке большого леса.

Ап. ИСБАХ

ДОКУМЕНТЫ О ЧУДОВИЩНЫХ ЗЛОДЕЯНИЯХ ГИТЛЕРОВСКИХ ПАЛАЧЕЙ

*Из ноты Народного Комиссара
Иностранных Дел товарища
В. М. Молотова от 6 января
1942 года*

О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях.

«В селе Воскресенское Дубинского района гитлеровцы использовали в качестве мишени трехлетнего мальчика и по нему производили пристрелку пулеметов.

В районном центре Волово Курской области, в котором немцы находились 4 часа,

немецкий офицер ударил головой о стену и убил двухлетнего сына Бойковой за то, что ребенок плакал.

В Злобинском сельсовете Орловской области фашисты убили двухлетнего ребенка колхозников Кратовых за то, что он мешал им спать своим плачем.

В селе Семеновское Калининской области немцы расстреляли мальчика лет 13-ти и на его лбу вырезали пятиконечную звезду».

*Из ноты Народного Комиссара
Иностранных дел товарища
В. М. Молотова от 27 апреля
1942 года*

О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления.

«В страшных муках погибли 7 января 1942 года 110 мирных граждан деревни Побуж Козельского района, Смоленской области, — 9 стариков, 51 женщина и 50 детей, которых фашисты резали ножами, закалывали штыками, забрасывали гранатами, обстреливали из автоматов и пулеметов. По сообщению от 15 марта 1942 года, после подобной же расправы отступавших гитлеровцев над крестьянами деревни Лыково Орловской области, из 730 мирных жителей в живых осталось всего

50 человек. В деревнях Лотошинского района Московской области гитлеровцы заживо сожгли 13 семейств колхозников, замучили и повесили 153 колхозницы и колхозников, расстреляли 507 человек, в том числе много женщин и детей. В городе Новозыбкове оккупанты умертвили за одну ночь 380 семейств—более тысячи стариков, женщин, подростков и закопали полуживыми в землю десятки детей.

...Навсегда войдет в кровавый список гитлеровских злодеяний убийство ими свыше одной тысячи мирных жителей в гор. Феодосии, в том числе 245 крымских татар. Матери с грудными детьми, старики, беременные женщины, подростки были вывезены в десятках грузовиков в предместье, где группами ни в чем неповинные мирные люди подводились к рву и расстреливались из пулеметов. Расстрелянные женщины и дети, включая еще подававших признаки жизни, закапывались в землю.

Оккупанты подвергают детей и подростков самым зверским пыткам. Среди раненых и изувеченных пытками 160 детей—жертв гитлеровского террора в освобожденных ныне районах Московской области, находящихся на излечении в Русаковской больнице гор. Москвы, имеется, например, 14-летний мальчик Ваня Громов из деревни Новинки, которому гитлеровцы отпилили ржавой пилой правую руку, предварительно привязав его ремнями к стулу. У 12-летнего Вани Крюкова из деревни Крюково Курской области немцы от-

рубил кисти обеих рук и истекающего кровью погнали в сторону расположения советских войск.

... 9 января 1942 года СС'овцы (солдаты фашистских охранных отрядов) незадолго до своего отступления под ударами Красной Армии из села Ксты Калининской области насильно собрали всех стариков, женщин и детей на окраине села и, заставив матерей взять с собой детей, самым зверским образом приступили к убийству одного ребенка за другим на глазах у матерей. У крестьянки Гараевой СС'овец вырвал из рук двухлетнего сына и на ее глазах разбил ему голову о столб, а двух ее дочерей, 6 и 7 лет, расстрелял. Такая же участь постигла многих других детей, после чего около 70 женщин и стариков были загнаны в сарай и сожжены.

... Героически погибла группа женщин и детей — жителей деревни Речица Смоленской области, которых немцы, предприняв 1 февраля 1942 года контратаку на деревню Будские Выселки, погнали впереди своих наступающих подразделений. Когда женщины и дети приблизились к советским позициям, они смело крикнули красноармейцам: «Стреляйте, позади нас немцы!». Гитлеровцы ответили огнем из автоматов по мужественным патриотам, убив четверых детей и троих взрослых. Среди убитых — Шишкина Е. И. и ее 8-месячный сын Юрий, Жуковская С. М. и ее сыновья — Геннадий 15 лет и Валентин 13 лет, Анна Юркова 14 лет».

*Из сообщений Советского Ин-
формбюро за 1942 г.*

***
**

Немецко-фашистские мерзавцы истребляют население захваченных советских районов. На окраине города Курска гитлеровцы создали лагерь для гражданского населения. В этом лагере, огороженном колючей проволокой, находится свыше 500 заключенных женщин и стариков, а также детей и подростков. Заключенных заставляют выполнять самые тяжелые работы. В результате голода и зверских истязаний в лагере ежедневно умирает 5—10 человек.

(Из утреннего сообщения 1 августа)

***
**

В районе южнее Батайска немецко-фашистские мерзавцы загнали на минированное поле толпу местных жителей — женщин, детей и стариков. Свыше 150 человек подорвались на минах.

(Из вечернего сообщения 1 августа)

***
**

Немецко-фашистские мерзавцы истребляют мирное население оккупированных советских районов. В первых числах сентября немецкий комендант города Первомайска Одесской области приказал многим жителям явиться в комендатуру, захватив с собой необходимые вещи и трехдневный запас продовольствия. В назначенное время у комендатуры собралось свыше 200 человек. Многие женщины пришли

с детьми. Гестаповцы вывели собравшихся за город к противотанковым рвам и расстреляли их.

(Из утреннего сообщения 23 сентября)

В деревне Захаровка Курской области немецкий комендант объявил населению, что 4 сентября все взрослые и дети обязаны явиться в помещение школы, где им сделают прививки. Крестьяне отказались делать прививки и не пошли в школу. Тогда комендант с помощью солдат согнал во двор большую группу жителей. Немецкие врачи отобрали 26 человек, в том числе Солнцева Петра—14 лет, Грачеву Веру—11 лет, Дворникову Екатерину—9 лет и других, и взяли у них большие дозы крови, не считаясь ни с какими медицинскими нормами. От большой потери крови умерло 9 человек, в том числе 5 подростков.

(Из утреннего сообщения 24 сентября)

Немецко-фашистские мерзавцы угнали всех взрослых жителей и подростков деревни Горки Орловской области на каторжные работы в Германию. В деревне остались лишь одни малолетние дети. Гитлеровские изверги совершили еще более чудовищное преступление—они схватили детей и утопили их в колодцах. Несколько дней спустя, группа разведчиков-партизан извлекла из колодца 27 детских трупов.

(Из вечернего сообщения 27 октября)

папа, убей немца!

ПРИКАЗ ДЕТЕЙ

Это—крик ребенка. В нем—ужас, мольба, жалоба, любовь, ненависть, надежда, приказ. Все вместе. Ненависть к проклятым немцам, которые замордовали детство с его радостями. Страх—потому что чудовища гонятся по пятам, протягивают кровавые когти. Любовь—к тебе, боец. Надежда — на тебя, красноармеец. Приказ—тебе, фронтовик.

— Па-а-па!—Это—крик твоего ребенка. — Папа, заступись, спаси, отомсти, прогони немцев, убей немцев!

«Вот я сейчас пишу письмо и плачу. Ребята поют под баян и пляшут. А я не могу...». Это —голосок Катюши Устиновой, девочки из деревни Круглово Московской области.

Изба, где жила Катя, уничтожена фашистскими бандитами. Мама лежит в братской могиле. Ноги катины покалечены, изуродованы...

Девочка—в детском приемнике. Раны еще не зажили, болит все тело. И болит детское сердце.

Ее письмоцо напечатано в «Пионерской правде». Здесь много детских писем.

Миша Дедков, мальчик со станции Хомутово Орловской области, рассказывает отцу, как немцы увели маму и бабушку, а его били, пытали, мучили. Немцы стегали мальчика ремнями по лицу. Палачи накалили железо и прикладывали к руке. Выродки загоняли мальчику раскаленные иголки под ногти! Спасли мальчика партизаны, неожиданно налетевшие на немецкий штаб.

Теперь у Миши Дедкова зажили раны, утихла боль. Но разве утихнет злоба к подлым мучителям? Разве забудет он, как стегали немцы его по лицу, по глазам? Никогда.

«Если ты жив, отец, бей немцев! Не щади их», — требует мальчик.

Если не дойдет это письмо до бойца Дедкова, — оплатите вы, друзья Дедкова, за издевательства над советским мальчонкой.

«Дорогой папа! Маму били плетками немцы, и она умерла. И меня били тоже. Дедку нашего фашисты угнали куда-то к себе с обозом. Папа, убей за маму сто фашистов! — твой сын Коля Алешин, деревня Маково. Тульской области».

Бойцы узнают из детских писем, обращенных к фронту, и о том, какой лаской, заботой окружают пионеры-тимуровцы их семьи, как горячо помогают ребята взрослым убирать урожай, работать в мастерских, ухаживать за ранеными.

Все, все готовы делать наши советские

ребята для фронта, все свои «силенки» готовы отдать, все трудности и лишения готовы пережить, но одного не хотят—не желают, ни за что не желают быть рабами немцев!

«Дорогие бойцы! Мы не хотим быть рабами немцев. Отомстите за все фашистским зверям...». «Заступитесь за ребят!». «Папа, спаси...». «Папа, разбей фашистов на кусочки!»—этот страстный клич, этот приказ наших детей должен быть выполнен. Скорее!

Елена КОНОНЕНКО

УБЕЙ ЕГО!

Глаза девчонки семилетней,
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая, тяжкая тоска.

Она молчит, о чем ни спросишь,
Пошутишь с ней, молчит в ответ,
Как будто ей не семь, не восемь,
А много-много горьких лет.

Но вдруг, как будто ветер свежий,
Пройдет по детскому лицу,
И оживленная надеждой,
Она бросается к бойцу.

И, глядя ясными глазами,
Защиты ищет у него:
— Они ломали руки маме.
Убей их, всех до одного.

А. БАРТО

ОТОМСТИТЕ ЗА МАМУ!

Товарищи бойцы вам пишет Нюра Костикова.

Товарищи! я лежала в больнице и ждала маму.
Мама несла гостинцы мне в красном платочке.

Когда мама шла по дороге немцы стали в нее стрелять
и убили. Товарищи бойцы я осталась сиротой и живу
в детском доме. Прошу вас отомстить проклятым
немцам за маму.

Нюра Костикова.

Вот девочка Нюра Костикова из деревни Слобода Смоленской области. Худыми ручонками прижимает она к груди красный платок. В этом платке мать Нюры, колхозница Екатерина Костикова, несла гостинцы своей больной дочери. Она их не донесла. Ее убил из пулемета фашистский летчик.

Соседка взяла из рук мертвой Костиковой узелок и отнесла его девочке. И девочка, рыдая, целовала пробитый пулями красный платок. Нюра не расстается с последним материнским подарком.

Прочти, боец, письмо сироты. Прочти и еще крепче сожми в руках винтовку!

ЗА ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ!

Балтиец комендор Михаил Зайцев, 1920 года рождения, получил письмо от своей одиннадцатилетней сестры Лены. Вот оно:

«Пущено 3 июля 1942 года. Письмо брату, родному Мише.

Здравствуй, братик Миша!

Во первых строках моего письма я хочу тебе сообщить о своей жизни.

Я сейчас живу одна. Папу немцы забрали и расстреляли. Маму убили, а Нину и Клаву повесили за твои фотокарточки. А я с Зиной в это время за городом в колхозе работала. Когда мы пришли домой, там не было никого. А возле клуба висели Нина и Клава—наши сестры. А папа лежал возле ставка. Маму нашли возле сороковой столовой. У нее, Миша, голова вся разбита и левая рука отрублена. И тут, Миша, мы с сестрой Зиной упали у родной мамы и так плакали и всех вспоминали. Зину забрали, а я осталась одна. Потом я пошла на другой день к сестре Зине, и мне сказали, что сестра померла от разрыва сердца. Тогда глаза совсем кровью залились. Я пошла к маме, но ее уже на том месте не было. И я больше никого не видела. Их уже забрали.

Мишечка, родной братик, не забывай меня, отомсти немцам за маму, за папу, Нину, Клаву и Зину.

Сестра Лена».

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ...

Русаковская детская больница построена в 1876 году. Тогда она называлась Владимировской. Четыре войны пережила больница: русско-турецкую, русско-японскую, первую империалистическую—1914 года — и гражданскую войну. Но ни в одну из этих войн не лежали в нашей больнице раненые дети. Только однажды в 1914 году мне довелось увидеть раненого мальчика. Но это было случайное ранение: мальчик нашел в поле снаряд, ударил его, и снаряд взорвался.

Когда началась великая отечественная война, к нам прибыли первые раненые. Но это не были бойцы, это даже не были взрослые люди—это были дети. Некоторым из них не исполнилось и трех лет, а старшим было не больше двенадцати.

Двадцать восемь лет я работаю хирургом в Русаковской больнице. Нервы хирурга закалены. Я привык наблюдать страдания детей. Но когда я увидел детей с изуродованными лицами, с исковерканными конечностями, трехлетних детей, у которых еще не окрепшие косточки раздроблены фашистскими пулями, я содрогнулся. Вот оно, омерзительное лицо фашизма!

Во мне говорит не только гражданин нашего великого отечества, не только человек, которому присущи простые общечеловеческие

чувства,—во мне говорит специалист-врач. Тот, кто может с заранее обдуманном намерением, со сладострастным садизмом калечить детей, недостойн называться человеком.

За десять месяцев войны наше когда-то небольшое хирургическое отделение разрослось в целый госпиталь. Раньше тут было только 70 коек, теперь — 160. Дети, которые лежат в этом госпитале, не случайные жертвы войны. Среди них очень много таких, в которых стреляли, в которых целились.

Так было с Симой Малкиной из селения Ново-Александрово, у которой раздроблены обе челюсти. Немецкий солдат подошел к окну и заглянул в избу. В избе было четверо детей, среди них и Сима. Немец бросил в окно гранату.

Так было с Вовой Корягиным из деревни Лошкаево, который лишился глаза в результате ранения авиационной бомбой. Вместе с другими ребятами Вова играл за деревней в мяч. На бреющем полете летел вражеский самолет. Фашистский летчик бросил в ребят бомбу.

Так было с десятилетней Тоней Нигачевой из деревни Халютниково Московской области. Немцы стали обстреливать траншею, в которой спрятались женщины и дети, в том числе и Тоня. Девочка поступила в больницу с огнестрельным ранением правого коленного сустава и оскольчатый переломом голени.

Впервые в истории войн солдат воюет не с солдатом, но с мирным населением, с детьми.

В нашей больнице лежал грудной ребенок, раненный в грудь, как босц.

Если бы немецкую женщину-мать привести в палату, где лежат эти несчастные, изувеченные дети, неужели ее сердце не содрогнулось бы? Неужели она не крикнула бы своему сыну, мужу, брату: «Остановись! Не смей убивать, калечить ни в чем неповинных детей! Подумай о том, что и у тебя есть дети. Представь себе их вот так же израненными, с ампутированными ногами, с пустыми глазницами вместо ясных детских глаз, с раздробленными челюстями. Не стреляй! Пусть не подыметесь у тебя рука, когда ты захочешь бросить в ребенка гранату. Как бы ты страдал, если бы твоего любимого сына, твою голубоглазую дочку так же исколечили!».

Но нет, немецкие женщины молчат или шлют на фронт такие чудовищные письма: «Мой горячо любимый Леонгардт! Очень прошу тебя, постарайся добыть мне шубу, а для Марты теплое трико и кофту. Ничего, если они испачканы или в крови, их легко отстирать. Горячо любящая тебя Траудель».

Да, кровь детей, убитых вашими мужьями, легко отмывается от детских платиц, но никогда она не смывается с рук фашистских убийц.

Собранные в этой брошюре ¹⁾ материалы яв-

¹⁾ Имеется в виду брошюра «Мы обвиняем», в которой опубликованы материалы детской больницы имени Русакова. В настоящем сборнике ниже помещены: рассказ Васи Носикова и няни О. М. Корягиной. (Приложение ред.)

ляются лишь небольшой долей того, о чем мы могли бы рассказать, но и они с достаточной ясностью свидетельствуют о гнусной сущности кровавого фашизма.

Фашисты, мнящие себя представителями «новой культуры», несущие Европе так называемый «новый порядок», покрыли путь к нему трупами детей.

Главный врач и старший хирург больницы имени Русакова

В. КРУЖКОВ

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ № 462

Вася Носиков, 12 лет. Калининская область, Кировский район, деревня Никоново.

Поступил в детскую больницу имени Русакова 8 февраля 1942 года.

Клинический диагноз: огнестрельный оскольчатый перелом костей голени и стопы с последующей ампутацией голени.

Дежурный врач **КОРОТКЕВИЧ**

КАК ФАШИСТЫ РАЗМИНИРОВАЛИ СЕБЕ ДОРОГУ

Рассказ Васи Носикова

Это было, когда немцы еще наступали. Они подходили к городу Калинин. Захватив нашу деревню, они всех повыгоняли из домов и согнали в одно место, как стадо. А были у нас

37

355628

почти одни только женщины, старики да дети. Взрослые мужчины кто на фронт, кто в партизаны ушли.

Вот погнали нас; куда — и сами не знаем. Станем спрашивать—кричат, грозятся застрелить. Иди, не рассуждай.

Догнали они нас до следующей деревни. Переночевали мы там, а утром снова погнали. По дороге они еще из двух деревень весь народ собрали и тоже к нам присоединили. Получилось так, что впереди шла деревня Юшино, за ней наша, Никоново, а за нами —Пьянково. Вот когда стали мы подходить к Волге—переправа там, мост большой, — фашисты нас с большака согнали прямо на поле, на целину.

— Марш, марш!—кричат. А сами все автоматами грозятся: автоматчики за нами шли.

Тут мы поняли, чего они от нас хотят, куда гонят. Наши, когда отходили, так подступы к переправе через Волгу заминировали, чтобы врагу не подойти легко к Волге. Так вот решили эти звери нас, живых людей, на минное поле послать. Заплакали женщины, заголосили:

«Куда вы нас гоните, ироды! Не пойдем мы!»

А немцы—стрелять. Вот как хочешь, так и делай: впереди—смерть, позади—смерть. Выбора нет никакого.

А эти звери за нами по большаку идут да все подальше от дороги нас отгоняют, чтобы пошире площадь захватить.

Первыми нарвались на мины юшинцы. Как

взорвется мина, земля вверх столбом взлетает. Люди кричат, ребяташки плачут, к матерям жмутся. Такое страшное началось, что и рассказать нельзя. А как назад кто повернет, немцы сразу очередь из автомата.

Я шел со своими—с матерью да с Маней, сестрой старшей. Сестра меня за руку взяла, а сама плачет. И мать тоже плачет. А мне хоть и очень страшно было, но не плакал я, а только, помню, старался ступать в чей-нибудь след, чтобы на новую мину не наскочить. Почва-то сырая была, следы хорошо видны. Только немно о мы с сестрой поотстали, а немец как вскинет автомат, прямо на нас. Побежали мы. И вдруг как взорвется мина под ногами—так и отбросило меня в сторону, как щепку. Немножко очнулся я. Смотрю, мать ко мне бежит, кричит не своим голосом. Но не дали автоматчики ко мне подойти — стрелять стали. Так уж я и не помню, что дальше было. Очнулся я уже в избе у колхозников, в какой-то деревне—подобрали меня. В ноге—боль нестерпимая. Оторвало по самую щиколотку, только на жилах и держалась. Потом в госпитале отрезали мне эту ногу. Теперь уж рана заживает, боль проходит, а ноги жалко: не могу ведь я без ноги бойцом стать, а то бы я этим зверям отомстил за себя да за наших деревенских.

А мать с сестренкой так и не знаю где. Может быть, погибли. Много ведь тогда народу нашего погибло.

МОРАЛЬ ЛЮДОЕДОВ

«Перед нами встает обязанность уменьшить чуждое население... Нужно разработать технику сокращения чуждого населения... Кто может оспаривать право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые» (Гитлер).

«Если мы хотим создать великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы—русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Нет никаких причин не сделать этого» (Гитлер).

«Надо прежде всего добиться уменьшения числа славянского населения... Нужно уничтожить 20 миллионов человек. Начиная с настоящего времени, это будет одна из основных задач германской политики, задач, рассчитан-

ных на длительный срок, — остановить всеми средствами плодовитость славян» (Гитлер).

«Естественный инстинкт приказывает всякому живому существу не только побить своего врага, но и уничтожить его. В прошлое время за победителем признавали полное право истреблять племена и целые народы» (Гитлер).

«Будущая война будет ужасная, кровавая и жестокая. Война, наиболее жестокая, не будет делать разницы между военными людьми и мирными жителями. Одновременно с вооруженным выступлением мы деморализуем противника в войне нервов» (Гитлер).

«Убивайте каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я,—поэтому убивайте» (Геринг).

«Наши чернила — кровь» (Геринг).

«По одному приказу ад будет спущен на людей». (Геринг).

РАСПОРЯЖЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ КОМАНДИРОВ

«Сейчас необходимо вновь подчеркнуть основные задачи, вытекающие из особенностей Восточного фронта. Здесь в неизмеримо большей степени, чем на всех прежних фронтах, следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности. Никакое проявление мягкотелости по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимо (из предписания германского командования)».

Приказ по армии от 8 февраля 1942 года
А. Гл. Кв. 8-II 42 А. О. К. 4 Ia В. Т. С.

«Всеми мерами препятствовать использованию железнодорожной линии как пути для пешеходов или повозок. Особенное внимание обращать на повсюду снующих мальчишек (советская русская организация молодежи — «пионеры»). Кто, несмотря на объявление о запрещении, незаконно попадет на железнодорожное полотно — расстреливается.

В любом случае безоговорочно поступать решительно:

Главнокомандующий фон-Клюге»

Выписка из приказа по 512-му полку
от 10 декабря 1941 года

«Всякий раз оставляемая зона должна представлять собой пустыню».

«Командный пункт дивизии».
25 ноября 1941 года. Очередной
приказ № 91 по дивизии. Лозунг дня
(зачитать перед строем):

«Страх перед немцами должен войти в каждого до самых его костей. По отношению к большевистским «подчеловекам» не может быть никакого снисхождения. Это относится также к женщинам и детям. Партизан и их единомышленников—на первый сук».

В другом приказе 13-го армейского корпуса от 28 ноября 1941 года немецким солдатам предлагается уничтожать, как партизан, «мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 16 лет».

ПОКАЗАНИЯ ПЛЕННЫХ СОЛДАТ

Вильгельм Шолле, старший ефрейтор
239-го пехотного полка 106-й пехотной
дивизии.

«Как было, когда началось отступление немецкой армии? Должна была быть создана глубокая зона пустыни. Составлялись команды поджигателей, которые поджигали дома, последний скот забирали с собой, а население оставалось без крова и какого-либо продовольствия. Все живое было обречено на голодную смерть».

*В нашей стране,
не будет сирот!*

КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, СОВЕТСКИЙ МАЛЫШ!

Тысячи детских жизней загублены гитлеровцами. Вернуть ребят, погибших мученической смертью, мы не можем. Но наш святой долг позаботиться о тех детях, которые живы, но немецко-фашистские бандиты отняли у них семью, убили матерей, отцов. Таких ребятшек много. У них была одежда—гитлеровцы украли ее. У них были жилища—злодеи сожгли их. У них были любимые матери—преступники растерзали матерей. А у иных из этих детей отцы сейчас на фронтах дерутся, не жалея сил и жизни за наше общее счастье.

Мы не можем, не должны считать этих ребят сиротами! Не дадим их в обиду, заменим им семьи, которые они потеряли, вылечим, выходим, воспитаем. Это будет лучшим проявлением ненависти к фашистским злодеям. Это будет лучшей памятью о героях, проливших

за нас кровь. Это будет лучшим подарком нашим фронтовикам. Мы скажем нашему воину: «Клянемся тебе, славный советский воин, мы сбережем твоих детей. Что бы с тобой ни случилось на поле боя, твоего сына, твою дочку приголубим, вырастим».

Поддержим благородный почин работниц московского завода «Красный богатырь» и командира-моряка Петра Безносикова, которые удочерили, усыновили осиротевших ребятшек, вырванных из лап смерти бойцами Красной Армии.

На заводе «Красный богатырь» это началось так. В цехе № 3 шел в обеденный перерыв митинг. Говорили о фашистских зверствах. Говорили о сиротах. Думали сообща, как помочь людям, пострадавшим от германских захватчиков. И вот взяла слово работница Елена Семеновна Овчинникова.

— Товарищи! Прошу слова... Товарищи, прошу слова, как мать.

Тихо стало в цехе.

— Женщины, матери, все это так, все это хорошо,—говорила Овчинникова. — сундуки пересмотрим, найдутся и рубашонки и платья. Принесем! Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу... Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!

Работницы плакали.

— Товарищи,—поднялась еще одна мать.—

и я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать загубили. А если отец на фронте... Ну что ж, выхожу, сберегу—вернется из армии скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла.

Работницы Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Садридтинова, Идельчук стали горячо хлопотать, чтобы им государство доверило усыновить и удочерить сирот. Потолковали с женщинами, обследовали их бытовые условия, здоровье и разрешили.

Женщины поехали за ребятишками. День этот никогда не забудется. Дети постарше сгрудились вокруг женщин, смотрели на них исподлобья большими печальными глазами, в которых застыло горе. Эти все понимали. У многих из них немцы убили матерей на глазах. Малыши—двухлетние, трехлетние крошки—бросились к женщинам, стали ласкаться, как к родным матерям. Иные, совсем несмысленные, протягивали ручонки и лепетали: «Мама! Мама!».

Работницы глотали слезы. Все произошло быстро и как-то само собой. Голубоглазая трехлетка Вера доверчиво протянулась к Софье Афанасьевне Шаровой.

— На ручки,—сказала она.

Шарова подняла девчушку, прижала к груди.

— Доченька. — сказала она, волнуясь, — пойдем домой. Доченька моя.

Вера обхватила ручонками шею Софьи Афанасьевны. И, не отрывая мокрого от слез

лица от горячих щек ребенка, пожилая женщина объявила всем:

— Моя...

Трутнева взяла семилетнюю Светлану, Цибульская—восьмилетнюю Дусю, Идельчук—трехлетнюю Галку, Овчинникова — Надю, у которой немцы убили отца и мать...

Замешкались около Садридтиновой. Татарка Садридтинова сидела возле кровати мальчика, который очень ослаб и поэтому не мог ходить. Садридтинова гладила его волосенки, а сама тем временем присматривалась к детям: кого взять. У нее двое своих дочерей.

Пора бы решать. Садридтинова поднялась.

— Ма-а-ма!—затрепетал вдруг болезненный мальчик, которого она приласкала,—мама, не уходи. Куда ты?

Он схватил ее руку, прижал к лицу. Прекрасные синие глаза ребенка были полны слез.

— Садридтинова,—шептали ей работницы.—он хилый, больной... Подумай, не тяжело ли тебе будет?

— Жалко мне. Беру больного!—решительно потрянула головой Садридтинова.—Вылечу, выхожу, человек будет.

Незабываемые минуты пережили работницы «Красного богатыря», увозя ребятшек. Другие малыши цеплялись за их руки, обнимали их колени.

— С тобой,—лепетали они.

Кто-то из ребят постарше подошел и тихо, стыдливо сказал:

— Возьми меня... У меня мамку и папку германцы в землю закопали. Я—один...

— Мы укутали своих ребят, — вспоминают матери, — и скорей ушли. Но до сих пор у нас в ушах этот детский плач: «Возьми меня».

«Красный богатырь» приготовил сердечную встречу детям, которые нашли семью. В просторной квартире работницы Матрены Ивановны Ивановой был приготовлен горячий ужин. Детям подарили игрушки, ласкали их. И ни о чем не спрашивали... Потом матери повели ребят к себе. Дети Овчинниковой встретили крошечную колхозницу Надюшку, как родную сестру. Старшие девочки уже нагрели воду, чтобы ее выкупать. Младшие выложили все свои игрушки...

Как-то я была на квартире у Шаровой. Верочка, чистенькая, свежая, в теплой красной кофточке, во всем домашнем, отдыхала после обеда на диване. Подле нее сидели совершенно счастливые Софья Афанасьевна и Иван Ильич. Верочка тоненьким голоском пела.

— В первый раз! В первый раз запела... — радостно объявила Софья Афанасьевна.

Первые дни ребенок был тих и неподвижен. Ей подарили куклу — она на нее не смотрела. Ей подарили цветного гнома — она сказала: «немец», и затряслась. Стали говорить о валеночках, которые надо ей купить. Она прошептала:

— Валенки в песке закопаны, а то немцы возьмут!

Светлану застали с бабушкой: Татьяна

Васильевна Трутниева была на работе. Светлана и бабушка сидели у печки. Светлане—восьмой год. Задумчивое личико, все еще грустные и расторянные глаза. Сидит, как зайчонок. Она из Солнечногорска. Много видела ужасов. Иногда возьмет в руки куклу, одернет платьице на ней и снова задумается. Зажужжал самолет. Светлана затрепетала, съежилась.

— Германы! Бабушка, германы...

— Нет их, милая, нет, внушенька, это наши летают,—успокаивает бабушка, — да что ты дрожишь-то так, лапушка? Не озябла ли ты? Дай-ка я тебя укурую.

У Светланы снова теплеют глаза, улыбаются губы. Хорошо это, чудесно это—ребенок нашел семью, ласку.

Командир-морьяк Тихоокеанского флота Петр Степанович Безносиков прочитал в газетах о двухлетней девочке Наде Кузьминой, у которой немцы-фашисты выкачивали кровь и кожу вырезали... Командир-морьяк был потрясен. Он прислал письмо, полное волнения:

«Нет! не увидят пощады кровавые изверги Гитлера. Они получают смерть. Только смерть!.. Я убедительно прошу вырвавшуюся из фашистского плена гражданку Ирину Ивановну Кузьмину, мать несчастной двухлетней девочки Нади, у которой немцы выкачивали кровь и вырезали кожу, откликнуться на это мое письмо и сообщить мне через «Комсомольскую правду» свой адрес. Я обязуюсь ежемесячно переводить деньги на воспитание ее доченьки Нади, если она выжила после

таких страшных мучений, до ее восемнадцатилетия, до совершеннолетия.

Пусть Ирина Ивановна Кузьмина со своей дочерью поедут в поселок Песковку Омутинского района, Кировской области, к моей матери, которая живет по улице Прскофьева, д. 6. Моя мама, Клавдия Саввиновна Безносикова,—ласковая старушка, и у нее истрадавшимся от фашистских зверств Кузьминым будет неплохо. Моя мама будет воспитывать Наденьку, а я буду высылать деньги на ее воспитание.

Если же девочки Нади нет в живых, я согласен принять на воспитание любого другого ребенка, осиротевшего в результате зверства немецких фашистов.

Пусть же знают враги, что война, которую затеял Гитлер, не разъединит наш народ, а наоборот, сцементирует его. Война сплотила нас, сделала нашу семью еще более дружной. И детям, осиротевшим в эти дни, мы не дадим погибнуть. Мы выручим их, воспитаем. На то мы и люди социализма.

С коммунистическим приветом

П. Безносиков».

Почин работниц «Красного богатыря» и Петра Безносикова вызвал живой отклик в сердцах советских людей. Многие сотни ребят уже приняты в семьи горожан и колхозников.

Государство наше, правительство наше делают все возможное, чтобы детям, вырван-

ным Красной Армией из лап смерти, жилось как можно лучше. Но весь наш советский народ помогает государству сберечь детвору, весь наш народ считает это своим кровным делом, святым долгом.

И особенно энергично, чутко помогают родине сохранить ребят, пострадавших от фашистских зверств, наша прекрасная молодежь, комсомол. С нежностью старших братьев и сестер заботятся об этих детях советские юноши и девушки. Собирают одежду, белье, обувь, книги, игрушки для ребятишек, помогают открывать новые детдома, детские столовые, заботятся о здоровье ребятишек, стараются всячески вернуть им утраченную детскую радость. Какое огромное количество теплой одежды собрали комсомольцы Марийской республики для детей, которых раздели и разули гитлеровские бандиты. В Кировской и Молотовской областях комсомольцы разведали, в чем нуждаются детские дома, сшили одежду, собрали посуду, сами сделали мебель для ребят, привели в порядок дворы, помещения, встретили детей-сирот, как родных... Это—всюду. Это на Урале и в Узбекистане. Это в каждом городе, поселке. Многие юноши и девушки на коллективные средства открывают небольшие детские дома, сами ухаживают в них за малышами. Так было в Калуге. Так было в Пушкине Московской области. В Пушкине комсомольцы сообща открыли детский дом на сто пятьдесят человек, не затратив ни одной государственной копейки.

— Нет, нет,—сказали они,— мы сами, мы на свои средства хотим! И сделали. Надо было заготовить дрова для детдома. Юноши и девушки пошли в лес и нарубили дров. Сами же привезли их, распилили, раскололи.

Дом выскребли, вычистили, окна вставили, стены побелили. Затопили печи. Стало тепло, уютно. Собрали у населения старенькую детскую мебель, отремонтировали, покрасили. Девушки сделали матрасики, сшили чехлы, наволочки, простыни. А потом принялись шить детское белье, платья. Многие девчата свои отрезки мануфактуры приносили.

— Хотели новое платье сшить... успеется... из этого выйдут веселенькие фартучки нашим малышам.

Все, все своими руками сделали комсомольцы—и детскую баню, и кухню, и столовую. Позаботились даже об игрушках—притащили кукол, лошадок, мячиков...

Когда они все это сделали и как?

По ночам, после своих смен на предприятиях. И воскресники устраивали. Как радовалась и волновалась пушкинская молодежь, когда комсомолка Валя Коршунова, директор нового детского дома, могла, наконец, сообщить:

— Наш дом готов к приему детей. Присылайте ребятешек. Ждем!

Робко переступили порог нового очага первые дети. Это были Ваня и Тоня из Истры.

— А мамка сгорела... — прошептал Ваня и заплакал.

Обняла его Валя Коршунова, вытерла слезы, приласкала.

— Мальчик, родной мой... сыночек... братишечка... Не плачь, тебе будет хорошо... Не дадим тебя никому в обиду...

Приехали другие ребяташки. Девушки купали их, стригли, одевали, кормили досыта, дарили им игрушки, книжки.

— Маленькие наши... это все вам... Вы будете тут жить. Вам тут хорошо будет...

— А вы от нас не уйдете? Вы с нами?— спрашивали дети. Им сразу прихлилось по душе эти веселые, ласковые, простые девушки.

— Никуда мы от вас не уйдем. Мы—с вами! И стали дежурить комсомолки в детском доме. Играют с ребятами, учат их читать, трудиться. А малышам девушки поют даже колыбельные песни, поют, как молодые матери... И засыпая ребенок долго не выпускает из своей горячей лапки девичью руку и лепечет сквозь сон:

— Мама!?

— Спи, маленький, спи... мама с тобой,—радостно и стыдливо шепчет юная девушка, пригревшая чужое дитя.

Чужое? Нет, не чужое. Нет для нас, советских людей, чужих детей. Каждое дитя нам бесконечно дорого.

Просчитались гитлеровские убийцы! Они думали, что дети, пострадавшие от их злодеяний, останутся обездоленными, зачахнут. Они хотели этого. Но родина наша говорит таким ребятам: нет, не сироты вы, родные! Совет-

ский народ отомстит за гибель ваших отцов и матерей. Советский народ не оставит тебя, малыш, у которого проклятые немцы отняли мать, родной дом, радость, все... Одни из вас будут жить в детских домах, других возьмут колхозы на патронирование, третьих удочерят и усыновят, приголубят советские матери. Но где бы вы ни жили, вы будете под теплым крылом родины.

Не дадим тебя в обиду, малыш! Уйдет страх из твоих глаз, высохнут слезы, будешь здороветь, крепнуть, вырастет из тебя светлый советский человек.

Е. КОНОНЕНКО

ПИСЬМО ЧЛЕНОВ КОЛХОЗА „КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН“ РАНЕНБУРГСКОГО РАЙОНА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Дорогие товарищи, колхозники и колхозницы!

Мы, члены колхоза «Красный партизан», обращаем к вам свое слово в прозные и суровые для родины дни.

Немцы заливают потоками крови родимую землю, жгут наши города и села, истребляют детей. Фашистские собаки убили десятки тысяч малышей, у миллионов ребят они отняли отцов и матерей, кров родной.

Но в Советской стране не должно быть сирот! Весь народ заботится о детях. Сейчас, когда идет зима, надо как следует побеспокоиться о ребятах.

По предложению рабочих и работниц Косинской трикотажной фабрики № 7 на фабриках страны изготавливаются одежда и обувь для детей, пострадавших от войны. Собравшись на свое колхозное собрание, мы решили вместе с рабочими принять участие в оказании помощи детям. Наш колхоз, по предложению комсомольской организации, берет шефство над Раненбургским детским домом. Из фонда колхоза для воспитанников детского дома мы выделяем: муки, капусты, помидоров, моркови и 2.500 рублей деньгами, обеспечим детей молоком.

Мы поможем отремонтировать помещение детского дома, заготовим топливо на зиму, сделаем все для того, чтобы наши подшефные ни в чем не испытывали нужды.

Колхозники и колхозницы! Позаботимся о детях, пострадавших от войны! Помните, нашей помощи ждут тысячи обездоленных ребят. Окружайте их материнской лаской и заботой! Берите шефство над детскими учреждениями, помогайте детским домам, яслям, садам, лечебным учреждениям, интернатам подготовиться к зиме.

Все советские дети должны быть сыты, тепло обуты и одеты. Пусть наша забота о детях дает новые силы героическим защитникам родной земли.

Красные воины! Мы—ваши отцы, матери, жены и сестры—призываем вас: убивайте немцев! Остановите топор палача, занесенный над головами наших детей! Жестоко и беспощадно отомстите гитлеровцам за каждую каплю детской крови, за каждую материнскую слезу!

Свято выполняйте свой долг перед матерью-родиной!

По поручению собрания: председатель колхоза **РЫЖКОВ**, колхозники: **ТИШАНИНОВ**, **ПАНИТКОВ**, **СЕДЫХ**, **ЯКОВЛЕВА**, **ТЕРЕХОВА**, **ПОДЛЕСНЫХ**, **ТИШАНИНОВА**, **КОНОНОВА**, **СУХАНИНА** и другие.

Председатель сельсовета **А. ВОЛКОВА**, директор школы **М. ШЕНДРИГАЙЛОВА**, учитель **Н. НОВИЦКИЙ**.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ № 90

Саша Кочетков. Возраст неизвестен. Где жил—неизвестно. Мать убита.

Подобрак на снегу и доставлен в больницу имени Русакова 9 января 1942 г. из полевого подвижного госпиталя.

Клинический диагноз: обморожение 2-ой степени пальцев обеих рук.

РАССКАЗ няни ХИРУРГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ КОРЯГИНОЙ

Я как увидела этого мальчонку, сердце у меня упало. Такой хорошенький, светлоглазый, ласковый, а пальчики отморожены. Ах,

вы, думаю, ироды! Небось, выгнали парнишку на мороз из избы, а ведь он махонький, вот и обморозился.

Я его спрашиваю:

— Мамка-то где?

А у него все личико скривилось. «Убили», говорит. Еще и говорить-то как следует не умеет — буквы не все еще выговаривает, а такое страшное слово уже узнать привелось!

Ну, думаю, изверги, не будет вам радости от его горя. А я заменю ему мать. Любить буду, ходить буду за ним, как за родным сыном. Свой сын у меня взрослый, на фронте. Муж — тоже на фронте. Я ему написала, что надо бы Сашку к нам в семью взять. Он уже меня и мамкой зовет.

Муж мне ответил: «Бери, говорит, конечно. Ведь он от проклятых наших врагов пострадал, от фашистов».

Сейчас у Саши пальчики уже подживают. Как поправится совсем, так я его домой и возьму.

Колхозники колхоза «Красная Звезда» Ярославской области взяли в колхоз на воспитание двенадцать девочек, потерявших родителей. Заботой и любовью окружили они своих маленьких воспитанниц.

Прочитайте об этом рассказ «Большая семья», напечатанный в «Комсомольской правде» за 1 октября 1942 г.

Патриоты Саратовской области заботятся о детях

ВСЕНАРОДНАЯ ЗАБОТА

Сотни тысяч детей немецкие оккупанты лишили родного крова, на их глазах убили отцов и матерей, растерзали старших братьев и сестер.

Ни на минуту не забывает Советское государство, советский народ об этих детях — невинных жертвах фашистских извергов. По всей стране ширится благородное патриотическое движение: в фонд помощи детям вносятся новые и новые тысячи рублей, рабочие, колхозники, интеллигенты усыновляют детей, потерявших родителей, создают новые детские дома, отдают лучшие свои вещи для детей, обездоленных немецкими оккупантами.

Широкие размеры приняла помощь детям, пострадавшим в дни отечественной войны, и в Саратовской области.

Около двух тысяч детей взяли на воспитание саратовские патриоты и патриотки. Колхозница - комсомолка Назимова усыновила двоих детей. Секретарь Новобурасского райкома ВКП(б) т. Колокольников взял на воспитание из детского дома троих детей.

Особенно велика в деле помощи детям роль советской молодежи и ее передового отряда — комсомольцев. Комсомольцы области являют-

ся инициаторами, зачинателями многих больших патриотических дел. По почину комсомольцев 16 средней школы г. Саратова в нашей области начался сбор вещей и средств для детей, пострадавших от фашистских разбойников. Благородный почин комсомольцев поддержали тысячи трудящихся. За короткий срок было собрано около 200 тысяч детских вещей, сотни метров мануфактуры, большое количество обуви, учебников и предметов домашнего обихода. Свыше 100 тысяч различных вещей, собранных среди населения, Обком ВЛКСМ отослал детям освобожденных от немецких оккупантов районов Тульской области.

Четыре месяца тому назад Саратовский обком ВЛКСМ открыл специальный счет помощи детям—№ 160/255. Сейчас на этом счету числится уже более 250 тысяч рублей. Артисты саратовских театров, консерватории, цирка провели десятки концертов, весь сбор от которых передан в фонд помощи детям. Рабочие саратовских предприятий, колхозники, жены фронтовиков, школьники отдают свои сбережения в этот фонд.

Из отходов производства приготовили в свободное от основной работы время сотни детских платьев, костюмов, чулок и других вещей работницы Саратовской и Красноармейской трикотажной фабрик.

Балашовские комсомольцы и несоюзная молодежь по инициативе горкома ВЛКСМ отработали три воскресника, организовали

платные вечера самодеятельности и на собранные деньги открыли пионерский лагерь. 110 детей фронтовиков и детей, эвакуированных из районов, занятых фашистскими оккупантами, в течение лета отдыхали в этом лагере.

Неисчерпаемы проявления народной инициативы, безгранично разнообразие практических дел нашей молодежи! Аткарские комсомольцы провели неделю помощи эвакуированным детям. За эту неделю молодые патриоты оказали серьезную помощь многим семьям, эвакуированным в Аткарский район из прифронтовых областей.

В Екатерининском, Ртищевском, Золотовском, Хвалынском районах широкое распространение получило шефство колхозов над детскими домами. За прошедшее лето детские дома области получили в подарок от колхозников 20 тысяч яиц, 8 тысяч литров молока, много муки, картофеля, масла и других продуктов.

Замечательное патриотическое дело начали комсомольцы Новобурасского района, организовавшие на средства общественности детскую столовую для детей фронтовиков и эвакуированных детей. Колхозы района горячо откликнулись на призыв комсомольцев и привезли в столовую для детей мясо, овощи, крупу, молоко. Школьники и пионеры Новых Бурас собрали столовую посуду, женщины-общественницы во главе с домашней хозяйкой Хариной взяли на себя руководство столовой.

И вот уже полгода 50 детей фронтовиков в Новобурасском районе получают хорошее питание.

Факты эти, свидетельствующие о любви и заботе о детях, можно приумножить. Можно рассказать об учащихя Пугачевской средней школы, по-братски поделившихся одеждой и обувью с ленинградскими детьми; о рабочих валяльных артелей Балтайского района, в свободное время делающих для эвакуированных детей валенки; о колхозниках артели «Комсомолец» Золотовского района, которые из собранной шерсти вяжут для детей студенческого детского дома варежки и теплые чулки.

В настоящее время Красная Армия успешно гонит врага на Запад, освобождая один район за другим на Сталинградском, Центральном фронтах, на Северном Кавказе. Комсомольцы, молодежь нашей области горячо принимают к сердцу судьбу детей, пострадавших от фашистских мерзавцев. По инициативе Саратовского ГК ВЛКСМ развернулась широкая работа по сбору вещей, средств, учебных пособий для детей освобожденных районов Сталинградской области. Многие сделали комсомольцы Саратовской области, но еще больше они обязаны сделать. Надо, чтобы забота об устройстве и воспитании детей стала массовой и повседневной, чтобы для помощи детям были использованы все возможности, чтобы к этому делу были привлечены самые широкие слои общественности.

А. МЕЙЕР —
секретарь Саратовского обкома ВЛКСМ

НАШИ ДЕТИ

Около года назад мы проводили своего сына на фронт. Он уехал в Действующую Армию добровольцем. На прощание сын сказал нам:

— Не скучайте, дорогие. Вернусь с победой. Нам было очень трудно не скучать, и порою мы чувствовали себя с мужем очень одинокими...

Больше 15 лет тому назад мы взяли на воспитание из детского дома двухлетнего Бориса. За эти годы мы привязались к нашему приемному сыну, полюбили его. И теперь, когда он вырос и уехал на фронт, нам было очень нелегко, и только письма, приходившие от сына, полные бодрости, поддерживали нас.

Часто мы вдвоем с мужем перечитываем письма нашего мальчика, вспоминаем его слова и поступки, и законное чувство удовлетворения и гордости овладевает нами. Мы гордимся тем, что воспитали Бориса настоящим патриотом, преданным своей родине, своему народу, смелым, мужественным, бесстрашным.

Недавно мы сообщили сыну большую новость. В этом году семья наша пополнилась новым членом: мы усыновили маленькую Тасю, потерявшую родителей в дни отечественной войны. Сын горячо одобрил наш поступок. Трудно рассказать о той большой радости и счастье, которые внесла в наш опустевший было дом маленькая девочка. В

ответ на нашу заботу и ласку она платит нам горячей, сердечной привязанностью. Мы уверены, что сумеем воспитать ее такой же честной и достойной комсомолкой, как ее брат Борис.

Родина наша переживает сейчас трудные, суровые дни. Тысячи детей потеряли своих отцов и матерей, погибших на фронтах отечественной войны и зверски убитых и замученных гитлеровцами. Долг советских патриотов — помочь государству воспитать из этих детей достойных граждан Советской страны, заменить осиротевшим ребятам родителей, вернуть их в любящую, заботливую семью.

Я обращаюсь к вам, женщины Саратовской области, с призывом: не дадим в обиду наших детей, защитим их от фашистских варваров, чем только можно поможем им — нашим детям.

Н. ТАРАСОВА

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Ежедневно в детские учреждения области — интернаты, санатории для детей, детские ясли и садики — прибывают письма с пометкой: «Действующая армия». Это — письма фронтовиков. В них фронтовики обращаются к воспитателям с просьбой сообщить им о здоро-

вье, учебе и самочувствию своих ребят, благодарят за заботу и ласку, которой они окружены.

Директор детского санатория врач Хомская получила письмо от капитана Балтийского флота дважды орденоносца А. И. Зипперта:

«Ваше письмо доставило мне много радости. Глубоко благодарен вам и бесконечно рад, что мой мальчуган прекрасно себя чувствует и хорошо растет. Еще раз благодарю вас и остальных сотрудников санатория за заботу о сыне. Мы здесь, на фронте, не останемся в долгу перед вами — беспощадно будем бить фашистских мерзавцев».

В Саратовский отдел народного образования пришло письмо от бойца Ленинградского фронта И. Н. Кузнеченко. Он потерял связь с сыном и сумел ее восстановить лишь при помощи сотрудников группы охраны детства, позаботившихся об его мальчишке.

«...Первым делом я хочу поблагодарить вас за ваше внимание и заботу, которые вы проявили о моем сыне Грише. Я очень доволен, что он находится в детском доме. Прошу вас, пишите мне и впредь о моем сыне, его поведении, здоровье, успехах в учебе».

Эти слова благодарности от людей, грудью защищающих родину, — лучшая награда тем, кто все свои силы, все свое время отдает делу воспитания детей, доблестных защитников отечества.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Товарищ, кровь детей зовёт к мести!	
Е. Кононенко. Страшные детские могилы	1
М. Тевелев. Настенька	9
Б. Войтехов. «Седой мальчик»	14
Ал. Исабах. Сын партизана	19
Документы о чудовищных злодеяниях гитлеровских палачей	
Из ноты Народного Комиссара Иностранных Дел товарища В. М. Молотова от 6 января 1942 года	23
Из ноты Народного Комиссара Иностранных Дел товарища В. М. Молотова от 27 апреля 1942 года	24
Из сообщений Советского Информбюро за 1942 г.	27
Папа, убей немца!	
Е. Кононенко. Приказ детей	29
А. Барто. Убей его!	31
Отомстите за маму!	32
За живых и мертвых!	33
В. Кружков. Впервые в истории	34
Рассказ Васи Носикова.	37
Откровения фашистских извергов	
Мораль людоедов	40
Распоряжения германских командиров	42
Показания пленных солдат	43
В нашей стране не будет сирот!	
Е. Кононенко. Клянемся тебе, советский мамин!	44
Письмо членов колхоза «Красный партизан» Раненбургского района Рязанской области	54
Рассказ няни хирургического отделения О. М. Корягиной.	56
Патристы Саратовской области заботятся о детях	
А. Мейер. Всемирная забота.	58
К. Тарасова. Наши дети	62
Слова благодарности	63

Цена 50 коп.